

18+

Беула Мари Дикс

Молох

Пьеса о войне в трёх
актах

Беула Мари Дикс

Молох. Пьеса о войне в трёх актах

«Издательские решения»

Дикс Б.

Молох. Пьеса о войне в трёх актах / Б. Дикс — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Пьеса Беулы Мари Дикс «Молох» (1915) — антивоенная драма о том, как война пожирает детей, любовь и человеческое достоинство. Данный перевод — не буквальный, а тёмная адаптация: рубленый, жёсткий язык, минимум объяснений, максимум телесности и отчаяния. Сюжет и персонажи сохранены, но тональность приближена к современному нуару. Без фальшивого героизма.

© Дикс Б.

© Издательские решения

Содержание

Пьеса о войне в трёх актах	7
— — ПРОЛОГ	8
АКТ I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Молох

Пьеса о войне в трёх актах

Беула Мари Дикс

Переводчик Наталия Золотова

Редактор Андрей Макаров

© Беула Мари Дикс, 2026

© Наталия Золотова, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-4020-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Данное художественное произведение содержит контент, предназначенный для взрослой аудитории (18+). В тексте присутствует ненормативная лексика, а также сцены и упоминания употребления алкоголя и наркотических веществ.

Всё это является частью художественного замысла и служит для раскрытия сюжета и персонажей. Автор и издательство не пропагандируют подобные действия и не одобряют их в реальной жизни.

Все события и персонажи являются вымышленными, любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

Берегите себя и своих близких.

Пьеса о войне в трёх актах

Тёмная адаптация

От редактора

Уважаемый читатель.

Перед вами не обычный перевод. Это тёмная адаптация пьесы Беулы Мари Дикс «Молох» (1915), написанной в разгар Первой мировой войны.

Почему «тёмная»? Потому что война — это не романтическая баллада. Это грязь, кровь, боль, бессонница, цинизм и отчаяние. Мы хотели, чтобы язык пьесы отражал это. Никаких витиеватых монологов. Никакого фальшивого героизма. Только рубленые фразы, только необходимое, только то, что человек мог бы сказать, стоя на коленях в луже крови или сжимая в руках детскую варёжку.

Что вы найдёте в этой пьесе?

— Пролог — идиллия, которая вот-вот рухнет. Разговор о Молохе звучит как пророчество.

— Акт I — мобилизация. Уходят мужчины. Рушатся любовь и дружба.

— Акт II — оккупация. Ужас, голод, предательство. Смерть ребёнка. Смерть лейтенанта. Смерть Марты. Сожжённый дом.

— Акт III — фронт. Встреча мужа и жены. пытка. Самоубийство. Расстрел мальчика, который отказался убивать.

— Эпилог — «плоды победы». Руины. Инвалидность. Ненависть. И снова марш. Снова война.

Что мы просим вас понять: Эта пьеса не о победе. Она о поражении. О том, как война убивает в человеке человеческое. О том, что «плоды победы» — это пустота.

Дикс написала эту пьесу в 1915 году, когда война только начиналась. Она не знала, что будет продолжаться ещё три года и унесёт миллионы жизней. Но она уже всё поняла. Мы лишь усилили то, что она сказала.

Редактор

Апрель 2026

Пьеса о войне в трёх актах

Действующие лица

- Человек — Роберт
- Его жена — Кэтрин
- Его сын — Роланд
- Его мать — Лидия
- Его сестра — Гертруда
- Его брат — Базиль
- Его дядя — Профессор
- Его служанка — Марта
- Его друг — Филип
- Лесной парень
- Девушка — Фрэнсис
- Другая девушка — Маргарет
- Маленький мальчик — Томас

Соотечественники: майор, адъютант, сержант, ещё сержант, солдаты.

Иностранцы: майор, лейтенант, капрал, рядовые.

— —

Пролог — Перед войной. Загородный дом.

Акт I — Мобилизация. Городской дом.

Акт II — Вторжение. Городской дом.

Акт III — Битва. На линии огня.

Эпилог — После войны. Загородный дом. Плоды победы.

— — ПРОЛОГ

Загородный дом. Когда-то ферма, теперь резиденция. Стены — тёплое дерево. Выше — штукатурка. Охотничьи гравюры. Картины сражений. Потолок с балками.

Справа — камин. Над ним — трофейное оружие. На полке — старые подсвечники, серебряный кубок. В очаге — огонь.

Две двери по обе стороны камина. Одна в гардеробную. Другая — во внутренние покои. Слева — дверь на кухню.

В глубине — двойная дверь на террасу. За ней — сад, поля, фруктовые деревья в цвету. Вдали — колокольня, крыши деревни.

Слева от главной двери — створчатые окна. Эркер с подушками. Мебель простая, массивная: скамья, сундук, откидной стол, письменный стол с лампой, корзина для рукоделия, подставка с золотыми рыбками.

Сезон — май. Время — закат.

В эркере, читает Профессор. Ему семьдесят. Самоуверенный вид. Белые волосы. Рядом — книги, рыбки.

Лидия, его сестра (за шестьдесят, прямая), раскладывает пасьянс на маленьком столике. Кружевная накидка. Сливовое платье чуть не в моде.

У сундука — Кэтрин. Ей около тридцати. «Мадонна» — рождённая быть матерью. Но с юмором. Мягкое серое домашнее платье. Расставляет цветы в вазы.

На полу, на коленях — Роланд. Бумажная солдатская фуражка. Игрушечные солдатики в шеренгах. Игрушечная пушка. Ему шесть-семь.

Занавес поднимается.

— —

Роланд. Бах! (Сбивает солдатиков.) Видишь, мама? Наши убили всех иностранцев.

Кэтрин. Зачем ты их убиваешь, сын?

Роланд. Они иностранцы.

Кэтрин. Роланд...

Лидия. Оставь мальчика. Хочешь, чтобы он в куклы играл?

Роланд. Я буду полковником. Как дедушка. Он убивал противных иностранцев. Правда, мама?

Кэтрин. (ставит цветы на центральный стол). Это было давно. Сейчас мы со всеми в мире. Всегда будем.

Профессор. Ты газеты читала?

Кэтрин. (ставит цветы на письменный стол). Нет. Со вчерашнего дня. Кому это интересно? (Садится, берёт шитьё.) Цивилизованные нации не воюют.

(С террасы быстро входят Гертруда и Базиль. Оба в походной одежде. Ей чуть за двадцать — порывистая, страстная. Ему около девятнадцати — выправка кадета. В руках газеты.)

Базиль. Привет. Мы достали газеты.

Профессор. (встаёт, взволнованно). Ну, ну, ну!

Базиль. (даёт газету). Вчерашние. Что смогли. (Бросает фуражку на сундук.)

Гертруда. Пришлось топать до самого Угла. Засунули в эту дыру. В такое время! (Бросает газету на стол.)

Лидия. Тише. Есть новости?

(Гертруда вешает пальто и шляпу в гардеробную.)

Базиль. Ещё какие.

Профессор. (читает). Ультиматум. Ну, ну!

Кэтрин. (вздрагивает, но лишь на миг). Ультиматум...

Профессор. Возмутительно. Нагло.
(Кэтрин возвращается к шитью.)

Базиль. Думают, мы сдадимся, потому что не ходим, задрав нос, вооружённые до зубов.
Когда дойдёт до дела — покажем.

Профессор. Да. Когда наша великая нация наконец пробудится...

Базиль. Я поставлю одного нашего парня с голыми кулаками против двоих этих заграничных Джонни с винтовками.

Гертруда. (подходит к камину). Ради Бога, говорите разумно.

Профессор. Надеюсь, вы не сомневаетесь в духе ваших соотечественников?

Гертруда. Нет. Но вы все делаете ту же ошибку: сомневаетесь в духе чужих.

Лидия. В смысле...

Гертруда. Иностранцы такие же храбрые, как мы.

Базиль. Брось.

Гертруда. Если начнётся война — они будут драться так же хорошо.

Профессор. Тьфу! (С отвращением уходит в эркер.)

Гертруда. И они готовы. Пушки больше наших. Взрывчатка, названий которой мы не знаем. Фил говорит...

Базиль. А, это ты пересказываешь речи Фила.

Гертруда. (подходит к нему). Да. Вполне разумные.

Базиль. Ну, я должен сказать, что я думаю...

Лидия. Дети. Дети.

(В дверях террасы появляется Роберт. Ему чуть за тридцать. Помещик, сельский сквайр. Деревенская одежда. Только что с полей.)

Роберт. Привет. Война уже началась прямо здесь, а?

Роланд. (бежит к нему). Папа!

Базиль. Труднн опять цитирует Фила.

Гертруда. А Базиль нелеп. (Отходит к окну справа.)

Лидия. И твоя мать, полагаю, тоже нелепа.

Роберт. Ладно, ладно. Почта приходила?

Кэтрин. Тот мост ещё не починили.

Базиль. Всё ещё доставляют через Угол. Когда вообще доставляют. (Выходит на террасу, зажигает сигарету.)

Роберт. Хм. Надеюсь, придёт весточка о новой сеялке. (Подходит к столику для курения, берёт трубку.)

(Роланд возвращается к игрушкам.)

Кэтрин. Фил заходил с тобой?

Роберт. Нет. Задержался у лесника. Кажется, у малыша коклюш.

Гертруда. Ты прошёл через Десятиакровое поле? (Садится за центральный стол.)

Роберт. Да. В этом сезоне можно снять второй урожай. Нам влетит с удобрениями, если дураки втянут нас в войну.

Кэтрин. О, они не втянут.

Роланд. Папа, ты починишь моего солдатика?

Роберт. Конечно. Он был в самой гуще, да? Принеси клей, сын. (Садится за центральный стол.)

Кэтрин. Держи, Роланд. (Даёт ему тюбик клея с письменного стола.)

Роланд. Спасибо. На, папа.

Роберт. Отлично. (Чинит солдатика.) Бедный старина. Обе ноги потерял, да? Вот чего твой дядя Базиль жаждет с тех пор, как стал кадетом. Пойти, убить кого-нибудь, любого, и вернуться кусками. (Поднимает глаза на Базиля.) А, брат?

Базиль. Великое дело — сидеть и смеяться, когда твоей стране угрожают.

Роберт. О, я за свою жизнь пережил две больших военных тревоги. Мать пережила с полдюжины.

Лидия. И две войны. Помни.

Профессор. Ты понимаешь, Роберт, нам предъявили ультиматум?

Роберт. Следил когда-нибудь за двумя собаками с забором между ними? Носятся, лают, готовы сожрать друг друга — пока не добегут до открытых ворот. А тогда — хвосты поджали, и по домам. Так будет и на этот раз. Будем рычать, пока не дойдёт до драки. А тогда здравый смысл...

(Роланд возвращается к игрушкам.)

Кэтрин. Я о том и говорю. Слово люди сейчас могут воевать!

Лидия. Вздор. Мужчины всегда воевали. Всегда будут. Разве не сказано: «Не мир пришёл я принести, но меч»?

Кэтрин. Да. И ещё: «Мирись с соперником твоим»?

Профессор. (встаёт, раздражённо). Дорогие мои дамы, эти старые христианские легенды тут совсем не к месту. Позвольте вам сказать...

Кэтрин. Роланд. Беги, принеси хлеба для рыбок дяди. Беги.

(Роланд выбегает налево.)

Кэтрин. А теперь я знаю, ты скажешь что-нибудь варварское.

Лидия. Варварские выдумки. Просто здравый смысл.

Профессор. Благодарю вас, моя дорогая сестра. Как я собирался сказать, если вы прочитаете мой компендиум по международным отношениям...

Роберт. (встаёт). Мы читали. (Идёт к гардеробной, достаёт верёвку, чинит игрушку.)

Профессор. Вы поймёте, что войны — результат великих народных движений, над которыми отдельные люди не властны. Как учёный и философ, я должен полагать...

(Роланд вбегает обратно.)

Роланд. Теперь я могу покормить рыбок, дядя?

Профессор. Да, да. Как я собирался сказать... Не слишком быстро, сынок. Не слишком быстро. Вот так. Медленнее. Так. Я хотел заметить, что войны, в конце концов, работают на благо человечества.

Базиль. Ничто так не точит нацию, как война.

Профессор. И не только стимулируются воинские добродетели, но литература и наука возрождаются и процветают.

Кэтрин. На окровавленной почве?

Профессор. Так много из вас, милых женщин, не видят в войне ничего, кроме боли и страданий, которые являются лишь сопутствующими обстоятельствами.

Лидия. Это сентиментальная точка зрения.

(Роланд в эркере берёт одну из книг дяди, рассматривает её.)

Профессор. Я торжественно верю, что мы накануне конфликта.

Роберт. Люди, которые говорят, как вы, делают всё возможное, чтобы втянуть нас в него.

Базиль. Если они хотят драки — пусть получают. Я говорю.

Гертруда. О, носи чип на плече, если хочешь. Но будь уверен, что готов к тем, кто попытается его сбить.

Лидия. Эти разговоры о готовности — сущее богохульство.

Роберт. Сильное слово, мать.

Лидия. Наша страна побеждала в каждой войне. Разве это не доказывает, что Бог на нашей стороне? А если Бог за нас...

(Роберт снова садится за стол.)

Профессор. Национальная судьба. Я, например, считаю эту войну не только неизбежной, но и желанной.

Роланд. (подходит к матери с раскрытой книгой). Мамочка. Что это за ужасная картинка? Он ест людей живьём.

Кэтрин. Дай посмотреть, сын. (Берёт книгу.) «Они проводили детей своих через огонь к Молоху».

Роланд. Кто такой Молох, мамочка?

Кэтрин. Он был их богом, мальчик. Они отдавали ему на съедение своих детей. И считали это благородным.

Профессор. Всего лишь культ солнца. Молох — другое имя Ваала.

Кэтрин. Интересно, не другое ли это имя бога войны.

Профессор. Дорогая Кейт, ваша мифология безнадёжно запутана. (Снова углубляется в газету.)

Кэтрин. О, я не о мифологии. О смысле.

Гертруда. Кому-то же надо.

Роберт. Тише.

Кэтрин. Бог войны — ужасный монстр с пылающей пастью. И народы радостно бегут бросить ему самых молодых, самых сильных, самых лучших.

Лидия. Сентиментальный вздор, Кейт.

Роланд. А Молох тоже съест нас, мамочка?

Кэтрин. (целует его). О, нет, нет, дорогой. Конечно, нет. Это было очень-очень давно.

Роберт. И они были просто язычниками, которые не знали лучшего. Не хорошими, здравомыслящими христианскими людьми, как мы.

Кэтрин. Вот, дорогой, убери книгу. И больше не думай об этом.

(Роланд возвращает книгу на сиденье эркера, возвращается к игрушкам.)

Базиль. Пойду-ка в деревню, посмотрю, сделали ли они что-нибудь, чтобы переправлять почту. (Берёт фуражку.) Мне не до смеха, если мой отпуск отозвали, а я не получил извещения.

Профессор. Подожди минутку, Базиль. Ты не заметил, Роберт, воздух сырой?

Роберт. Сухой, как твои лекции, сэр.

Профессор. Тогда, Базиль, я пойду с тобой.

Базиль. Я принесу вашу шляпу, сэр. (Идёт к гардеробной.)

Профессор. У меня тоже есть варварский интерес к происходящему. (Берёт шляпу у Базиля.) Спасибо, мой мальчик. Нельзя быть слишком осторожным, знаешь ли. Ненавижу лежать ночью без сна и кашлять.

(Базиль и Профессор выходят на террасу.)

Гертруда. Дядя Чарльз очень заботится о своём комфорте. (Встаёт.) Больше, чем о комфорте людей, которых он так стремится отправить воевать. (Идёт к эркеру, выглядывает.)

Роберт. Два сапога пара, дядя и Базиль. И именно этот сорт опрокидывает все наши яблочные тележки. Вот твой солдатик, сын. Как новенький.

(Роланд убирает игрушки.)

Лидия. Профессия Базиля была профессией твоего отца. Была бы и твоей, если бы ты был физически голен.

Роберт. (встаёт). Да. Эта астигматика на левом глазу сослужила мне добрую службу, когда не пустила в армию.

Лидия. Роберт!

Роберт. (подходит к ней). Ну, ну, мама, я достаточно делаю для чести и славы, когда раз в год выступаю с полком ополченцев. В остальное время я не горю желанием быть анахронизмом в золотых галунах и воздухо непроницаемом шлеме. (Садится за стол, берёт газету.)

АКТ I

Городской дом. Гостиная на втором этаже. В глубине — три ступени, арка, тёмно-зелёные шторы (раздвинуты). За аркой — кабинет с книжными полками, письменным столом, креслом.

В гостиной: два длинных окна справа, шторы, ламбрекены. На подоконниках — цветы. Между окнами — секретер с бюстом, письменные принадлежности, фотографии. У ближнего к зрителям окна — подставка с золотыми рыбками, рядом — игрушечная лошадка-качалка.

Слева — камин, заполненный зелёными ветками. Над камином — портрет мужчины в военной форме, украшен флагом с тремя диагональными полосами — темно-синей, оранжевой, темно-синей. Под портретом — шпага. По обе стороны от камина — двери в коридор.

Перед камином — два кресла. В центре — стол, три стула, небольшой диван лицом к зрителям. Мебель мягкая, потёртая.

Сезон — начало июня, середина утра. Десять дней спустя после Пролога.

В кабинете за столом — Профессор, быстро пишет. На лошадке-качалке — Роланд с игрушечным мечом, шлемом, кирасой, маленьким флагом.

У секретера — Кэтрин с записками и чековой книжкой. Лидия у камина штопает шёлковый флаг (размером с ротную вымпелку).

За столом — Гертруда, Фрэнсис и Маргарет делают букетики, складывают в плоскую корзину (заполнена на три четверти). Стол завален зеленью, цветами. Все женщины в лёгких летних платьях. Солнце яркое.

С улицы — военная музыка. Сначала сквозь гул едва слышны голоса. Когда полк проходит — музыка стихает.

— —

Маргарет. Каждый настоящий мужчина идёт на фронт.

Фрэнсис. Я то же сказала Ричарду. Пошёл добровольцем. Не пошёл бы — не заговорила бы с ним больше.

Маргарет. Полевая форма — прелесть.

Фрэнсис. Прикажу сшить пальто с военным воротником.

Гертруда. Хватит болтать. Поезд в половине двенадцатого.

(Слева, из задней двери, входит Марта с запиской и газетой.)

Фрэнсис. Солдаты будут рады цветам.

Лидия. Табак бы отнесли. Гораздо лучше.

Марта. Экстренный выпуск, мэм. На улице кричали. (Отдаёт газету Лидии.) И записка из госпиталя, мэм. (Отдаёт записку Кэтрин.)

Маргарет. (встаёт). Можно посмотреть? (Подбегает к Лидии.)

Фрэнсис. (рядом с Лидией). Ещё одна победа. Великолепно.

Лидия. Я же говорила. Когда страна наконец пробудилась...

Кэтрин. Гертруда.

Гертруда. Да.

Кэтрин. Перережь всё старое бельё в доме.

Гертруда. Марли не хватает?

Кэтрин. Да. Сегодня ночью — ещё один эшелон с ранеными.

Фрэнсис. (возвращаясь к столу). Ты слышала, Труды? Ещё одна победа.

Гертруда. Слышала.

Марта. Вот ключи, мэм.

Кэтрин. Сандвичи готовы?

Марта. Корзину отправила на станцию.

Кэтрин. Вечером свари оба окорока. Интендантство развалилось. Если мы не будем кормить проходящие войска...

Гертруда. Марта! Сорви цветов из оконных ящичков. Кончаются.

Марта. (у окна в глубине справа). Завяли. Пыль от солдат.

(На улице — горн, звон упряжи.)

Роланд. (у окна). Мама! Кавалерия!

Фрэнсис. Обожаю горн.

Марта. Вот бы быть мужчиной. Сама бы пошла убивать этих противных иностранцев.

Профессор. Марта. Подойдите.

Марта. Да, сэр. (Идёт в кабинет.)

Профессор. Наконец-то поймал этого надоедливого мышонка. Будьте добры, избавьтесь. (Даёт Марте мышеловку из-под стола.) Унесите и убейте.

Марта. (возвращаясь). Я в жизни никого не убивала. Кроме мух. Пусть сам убивает.

Роланд. (подходя к ней). Марта. Давай выпустим его во дворе.

Марта. Обязательно.

Роланд. Он так испугается, что никогда не вернётся. И всем другим мышатам скажет.

(Роланд и Марта уходят в левую переднюю дверь.)

Профессор. (встаёт, входит в гостиную с рукописью). Воззвание к миру. Опубликуют в вечерних газетах. Трубный клич — молодёжи, сплотиться под знамёна.

Гертруда. Какой толк, если для них нет снаряжения?

Профессор. Не по существу. (Маргарет идёт к заднему окну за цветами.) Их нерасторопность ужасает.

Кэтрин. У многих — жёны, дети, старики.

Профессор. Интересы страны превыше всего.

Лидия. Что ты понимаешь? От тебя никто не зависит. Кроме этих рыбок.

Профессор. (подходит к ней). Могу заверить, дорогая сестра, если бы не моё слабое сердце и возраст... я был бы на фронте. Но перо могущественнее меча. Если я могу побудить к действию тысячу человек — лучше, чтобы я оставался дома и писал. (Идёт к двери, останавливается.) Любой, кроме женщины, понял бы.

(Профессор уходит.)

Гертруда. Торопись, Маргарет. Уже поздно.

Маргарет. Сейчас. Смотри, сколько добровольцев. Посмотри, Кейт.

Кэтрин. Не могу. Они все такие молодые.

Маргарет. Базиль! (Отходит от окна.) Твой брат поднимается. Наконец в форме.

Фрэнсис. (встаёт). В какой форме?

Гертруда. (встаёт). Выпуск кадетов ускорили. Базиль — лейтенант.

(Входит Базиль. Форма лейтенанта-гусара сидит отлично. Вы влюбляетесь в него с первого взгляда.)

Гертруда. Красавец.

Базиль. Брось. (Кладёт меховую шапку и краги на стул.) Доброе утро.

Фрэнсис. Господи, как ты великолепен.

Базиль. Как тебе нравится, мама?

Лидия. Иди сюда. Воротник не будет натирать?

Базиль. Чёрта с два.

Фрэнсис. Сделаешь для меня кое-что?

Базиль. (подходя к ней с поклоном). Моё сердце у твоих ног.

Фрэнсис. Мне не нужно сердце. Пуговицу.

Базиль. За отрыв пуговицы — расстрел. Хочешь поставить крест на моей карьере?

Фрэнсис. У тебя должна быть запасная.

Базиль. Есть. (Достаёт пуговицу из кармана.) Для самой лучшей девушки в мире.

Фрэнсис. Это я?

Маргарет. (обиженно). Базиль.

Базиль. (поворачиваясь к Лидии). Вы примете её, мама?

Лидия. (пытаясь скрыть). Глупости. (Прячет пуговицу.) Я отпущу воротник. Останешься на ланч?

Базиль. Нет. Только сказать: пока.

Кэтрин. Что?

Базиль. Приказ о выступлении.

(Три девушки одновременно:)

Фрэнсис. Как мило.

Маргарет. Сегодня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.